

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ (ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ) DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY (AGE PSYCHOLOGY)

Научная статья | Original paper

Изучение базовых представлений о счастье у дошкольников и младших школьников с помощью метода глубинного интервью

Э.Н. Гилемханова^{1, 2} , Ю.Ю. Панфилова¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

² Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Казанский филиал), Казань, Российская Федерация

 enkazan@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В детстве выстраивается базовая структура социального мира, и представление о счастье является стержневым ее компонентом. Изучение представлений детей о ключевых составляющих их благополучия — счастья и его наполнения — является актуальной областью психолого-педагогических исследований. **Цели.** Выявить базовые представления детей о счастье, определить их специфику в зависимости от половозрастных характеристик, культурной идентичности, семейной структуры и «уровня» счастья. **Методы и материалы.** Выборку исследования составили 120 респондентов в возрасте от 5 до 9 лет ($M = 6,6$; $SD = 1,43$). Применялся метод глубинного интервью. Для обработки результатов качественного исследования применялись: метод экспертных оценок, качественный и количественный контент-анализ, коэффициент Яниса, критерий хи-квадрат Пирсона. **Результаты.** В рамках исследования разработана модель репрезентативных полей счастья и выделено 2 типа семантической организованности представлений детей о счастье: сбалансированный и потребностно-ориентированный. У детей в благоприятной ситуации развития семантическая организованность полей счастья представляет баланс секторов: субъективного и объективного, индивидуального и социального. **Выводы.** Различия базовых представлений о счастье у сравниваемых категорий детей связаны с дефицитарностью или акцентностью репрезентативных полей счастья и стоящих за ними знаков и эмоций. У детей из неполных семей и низко оценивающих уровень своего счастья имеется ярко выраженный дисбаланс репрезентативных полей счастья с фокусировкой на потребности в привязанности и материальных потребностях. Чем меньше положительных характеристик в отношении себя ребенок высказывает, тем в большей степени представление о счастье у ребенка зависит от удовлетворения потребностей.

© Гилемханова Э.Н., Панфилова Ю.Ю., 2025

CC BY-NC

Ключевые слова: представление о счастье, модель счастья, сбалансированный тип представления о счастье, потребностно-ориентированный тип представления о счастье, семантическая организованность репрезентативного поля

Финансирование. Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/202>

Для цитирования: Гилемханова, Э.Н., Панфилова, Ю.Ю. (2025). Изучение базовых представлений о счастье у дошкольников и младших школьников с помощью метода глубинного интервью. *Психологическая наука и образование*, 30(4), 82–95. <https://doi.org/10.17759/pse.2025300406>

Studying basic concepts of happiness in preschool and early elementary school children using the in-depth interview method

E.N. Gilemkhanova^{1, 2} , Ju.Ju. Panfilova¹

¹ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

² Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Kazan, Russian Federation

 enkazan@mail.ru

Abstract

Context and relevance. In childhood, the basic structure of the social world is built, and the idea of happiness is its core component. Studying children's ideas about the key components of their well-being — happiness and its fulfillment — is a relevant area of psychological and pedagogical research. **Objective.** To identify children's basic ideas about happiness and to determine their specificity depending on gender, age characteristics, cultural identity, family structure and "level" of happiness. **Methods and materials.** The study involved 120 children aged 5 to 9 years ($M = 6,6$; $SD = 1,43$). The in-depth interview method was used. To analyze the results of the qualitative research, the following were used: expert assessment method, qualitative and quantitative content analysis, Janis coefficient, Pearson chi-square test. **Results.** The model of representative fields of happiness and two types of semantic organization of children's representations about happiness: balanced and need-oriented were received as results. Among children who development well, the semantic organization of the fields of happiness are in balance: subjective and objective, individual and social. **Conclusions.** The deficiency or emphasis of the representative fields of happiness and the signs and emotions associate with them make the differences in basic representations about happiness in the compared categories of children. Children from single-parent families and children with low level of hap-

piness have a pronounced imbalance in the representative fields of happiness, focusing on the need for affection and material needs. Low self-esteem leads to the fact that the representations of happiness become more dependent on the satisfaction of needs.

Keywords: representation of happiness, the model of happiness, balanced type of representation of happiness, need-oriented type of representation of happiness, semantic organization of the representative field

Funding. The work was carried out with the support of a grant from the Tatarstan Academy of Sciences, provided to young candidates of science (postdoctoral researchers) for the purpose of defending a doctoral dissertation, conducting scientific research, as well as performing job functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan «Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan».

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/202>

For citation: Gilemkhanova, E.N., Panfilova, Ju.Ju. (2025). Studying basic concepts of happiness in preschool and early elementary school children using the in-depth interview method. *Psychological Science and Education*, 30(4), 82–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2025300406>

Введение

Обзор результатов исследования ценностей продемонстрировал тенденцию увеличения доли людей, склонных к размышлению о счастье и смысле жизни (Norris, Inglehart, 2011). Счастье — одно из основных измерений человеческого опыта (Аргайл, 2003). Однако счастливыми себя признают очень мало людей (Джидарьян, 2013). Вместе с тем М. Аргайл констатирует, что внимание специалистов лежит в области поиска источников счастья, тогда как сама категория счастья еще не сложилась, нет состоятельной теории счастья (Аргайл, 2003). При обращении к детскому возрасту наблюдается расхождение между пониманием детского благополучия взрослыми и самими детьми (Титаренко, Клепач, 2016). Это определяет необходимость разработки центрированной на ребенке эпистемологии и обуславливает конструирование соответствующих инструментов для его исследования (Баянова, Мустафин, 2013). В силу обозначенных причин изучение представлений детей о ключевых составляющих их благополучия — счастья и его наполнения — является актуальной областью психолого-педагогических исследований. Соответствует ли возрастание уровня достатка в се-

мье с увеличением «детского» счастья? Чем определяется и в чем измеряется счастье для самих детей? Вопрос о качестве счастья, содержании этого понятия в зависимости от возраста, пола, культурной идентичности остается малоизученным. В отечественной психологии определение счастья представлено в трудах А.Л. Журавлева и А.В. Юрьевич, которые соотнесли данную категорию со смыслом жизни как ключевым компонентом счастья (Журавлев, Юрьевич, 2014). Вместе с тем если для взрослого данные две категории представляются взаимообуславливающими, то вопрос о взаимосвязи счастья и смысла жизни у детей остается открытым. И чем младше ребенок, тем менее очевидна возможность линейного соотнесения.

С позиции Е. Diener и его коллег, счастье — субъективное состояние ума, отражающее общее субъективное благополучие (Diener, 2000). При этом счастье рассматривается не просто как эквивалент субъективного благополучия, а его превосходная степень (Джидарьян, 2013). С данной позиции счастье есть одномерная конструкция и определяется как баланс между позитивным и негативным настроением, оценкой удовлетворенности человека жизнью (Linley et al.,

2009). Подчеркнем, что одноэлементные измерения счастья среди зарубежных исследователей распространены, и обоснованность таких измерений постулируется во многих научных источниках (Abdel-Khalek, 2006).

Вместе с тем в научной литературе представлена и другая позиция, исследующая счастье с точки зрения его структурного наполнения. Согласно «Теории процветания» М. Селигмана, компонентами благополучия являются положительные эмоции, вовлеченность в поток жизни, ощущение ее смысла (Seligman, 2011). Данные аспекты соотносятся с представлениями М. Аргайл, рассматривающего в составе счастья позитивный эмоциональный настрой, удовлетворенность жизнью, оптимизм, высокую самооценку (Аргайл, 2003). «Типовая структура счастья» А.Л. Журавлева и А.В. Юркевич включает: доминирование позитивных эмоций и мыслей, оптимизм, позитивное мышление и образ мира, смысл жизни, гармоничное сочетание личностных и надличностных смыслов, общую удовлетворенность жизненной ситуацией (Журавлев, Юркевич, 2014). Д.А. Леонтьев предложил двухуровневую модель счастья — дефицитарное счастье как обусловленную материальными и другими ресурсами меру удовлетворенности универсальных базовых потребностей и бытийное (самодетерминированное, экзистенциальное, идеалистическое) счастье, характеризующее успешность самореализации и достижения собственных жизненных целей (Леонтьев, 2020). Жизненные цели должны быть связаны с глобальными структурами личности, к которым Д.А. Леонтьев относит способы самоосуществления, стратегии, стиль жизни, формы поведения. Т. Парсонс рассматривает счастье в контексте другой диады: Достигаемое — то, к чему человек стремится в контексте соответствия социальным стандартам, самореализация в рамках социального «бытия», и Предопределенное — то, что присуще человеку как данность и определяется его личностными характеристиками (Аргайл, 2003). Таким образом, исследование представлений о счастье

обращает нас к анализу человека с позиции удовлетворения им как материальных, так и экзистенциальных потребностей (Казанцева, Липовая, 2019), определяя рассмотрение счастья как индивидуально-психологический и социально-психологический феномен.

Для содержательного анализа представлений мы воспользуемся теоретическими конструктами, представленными в трудах Д.А. Леонтьева и Т. Парсонса. В результате онтологического соотнесения дефицитарного счастья и бытийного счастья сформируем диахотомию «Субъективное — Объективное». Контекстом другой диахотомии «Социальное — Индивидуальное» является идея о реализации человека в рамках социального «бытия», с ориентацией на социальные стандарты, и в рамках индивидуального «бытия», с опорой на присущие ему личностные характеристики. На основе этого соотнесем данные диахотомии и выделим на их пересечении репрезентативные поля представлений о счастье, примененные в качестве базовой категориальной сетки нашего исследования (рис. 1).

Для исследования представлений детей о счастье мы будем опираться на концепцию А. Абрика о ядерных и периферических представлениях (Abric, 2001), выделив семантические ядра представлений детей о счастье в каждом из репрезентативных полей. В свою очередь, семантические ядра представлений о счастье будут интерпретироваться нами согласно Модели знака Ч.С. Пирса в триаде «Объект — знак — интерпретант» (Norris, Inglehart, 2011). Так, репрезентативные поля будут рассмотрены нами как объекты, знаками или индикаторами выступят сами семантические ядра представлений о счастье, интерпретантой — эмоции, выражющие то, что обозначает знак. Отметим, что знаки имеют воздействие в силу их эмоционального окраса, поскольку эмоции тесно связаны с мотивами, потребностями, ценностями и целями.

На основе описанного выше были определены цели исследования: выявить базовые представления о счастье детей до-

Рис. 1. Модель репрезентативных полей счастья
Fig. 1. Model of representative fields of happiness

школьного и младшего школьного возраста и определить специфику представлений в зависимости от половозрастных особенностей, культурной идентичности, семейной структуры, экспертной оценки «уровня счастья» исходя из результатов глубинного интервью и данных наблюдения за ребенком во время его проведения.

Материалы и методы

Были проведены индивидуальные видеointервью, средняя продолжительность составила 20–30 минут. Далее осуществлена первичная обработка материалов путем тематической классификации. Выделенная система категорий была реализована как сводная таблица по всем респондентам, каждый столбец таблицы соотносился с тематической классификацией: семья, представление о себе, эмоции и т.д. Соблюдены критерии отбора категорий: исчерпываемость, взаимоисключаемость, согласованность, уместность. Каждая тема была обработана с помощью метода текст-майнинг, где единицей анализа выступает слово. В результате выделены наиболее часто встречающиеся слова, укрупнив и объединив синонимичные и однокоренные слова, были сформированы семантические ядра представлений детей о счастье. В процессе данной работы обобщение осуществлялось на основе обнаружения единых семантических кодов в высказываниях, используя

категориальную сетку, заданную авторской моделью репрезентативных полей счастья. Далее проведен анализ семантических ядер по смысловым триадам Пирса. Следующим этапом работы был сравнительный анализ представлений о счастье среди различных категорий детей, применены методы статистической обработки качественных данных. Выборка исследования: 120 респондентов, в том числе 41 мальчик и 79 девочек, возраст от 5 до 9 лет, 69 детей дошкольного возраста, 51 ребенок младшего школьного возраста, 100 детей из полных семей, 20 детей из неполных семей (проживающих с мамой), 41 ребенок — единственный в семье, в многодетных семьях: рожденные первыми — 41 ребенок, вторыми — 35 детей, третьими — 3 ребенка, 73 представителя русских, 47 татар, проживающие в республиках Татарстан, Чувашия и Марий-Эл, а также в г. Москва.

Метод получения данных — глубинное интервью, которое проводилось с каждым ребенком в процессе выполнения им апликации в рамках индивидуального творческого занятия. Вопросы для глубинного интервью, составленные Ю.Ю. Панфиловой, относились к изучению представлений детей о том, что такое счастье, счастливым ли себя считает ребенок, что делает ребенка счастливым, вопросы о мечтах, ценностях, что главное в жизни, вера в чудо, лучший день в жизни, нравится ли быть ребенком и др. Ме-

тоды обработки качественных данных: качественный и количественный контент-анализ, коэффициент Яниса, критерий хи-квадрат Пирсона, метод экспертизы оценок.

Результаты

Первоначально на основании процента встречаемости (у 50% респондентов и чаще) были выявлены семантические ядра представлений детей о счастье (таблица).

Базовым ядром представления детей о счастье является радость. С одной стороны, радость связана с материализованным счастьем: lego, игрушки, много денег, планшет, с другой — с нематериальным: чтобы родители были вместе, о мамином поцелуе, помогать людям и животным. Необходимо подчеркнуть особый способ мировосприятия и осмысливания реальности детей (особенно в дошкольном возрасте) — ориентированный на волшебство: отправиться в сказку, стать птичкой, чтобы деревья были мармеладами, быть принцессой. Учитывая, что С. Московичи подчеркивает, что «индивидуальные или социальные представления делают мир таким, каким мы думаем, что он есть или должен быть» (Moscovici, 2000), важно от-

метить роль сказки, чуда, сакрального, не-постижимого, волшебного в жизни ребенка.

Качественный контент-анализ ответов детей, исходя из половозрастных различий, семейной структуры и уровня счастья, позволил обнаружить следующие особенности. У детей дошкольного возраста в «ядре» фигурирует слово «мама», у младших школьников — семья. Вероятно, в младшем возрасте дети наиболее привязаны к маме, а по мере взросления и сепарации ими приобретается ценность семьи, что подтверждается тем, что у дошкольников «мама» на 1-ом месте, а у младших школьников лишь на 4-ом. В группе младших школьников в понимании счастья появляется слово «здравое», что не наблюдалось у детей дошкольного возраста. Количественный контент-анализ показал достоверные различия по некоторым аспектам между изучаемыми возрастными и национальными группами детей. Установлено, что с возрастом увеличивается доля осмысливаемости, которая сопровождается ростом критичности в осмысливании действительности ($\chi^2 = 12,045$ при $p < 0,001$ в сопоставлении положительных и отрицательных черт личности и $\chi^2 = 5,055$ при $p < 0,05$ при сравне-

Таблица / Table

Анализ семантических ядер представления детей о счастье с помощью смысловых триад Пирса (N = 120)
Analysis of semantic cores of children's representations about happiness using Peirce's semantic triads (N = 120)

Объект (репрезентанта) / Object (representative)	Знаки (признаки) / Signs (symptoms)	Интерпретанта / Interpretante
Я-концепция / Self concept	Веселая, добрая, красивая, умная, хорошая, умею, знаю / Cheerful, kind, beautiful, smart, good, I can, I know	Положительное самовосприятие / Positive self-perception
Смысл жизни / The meaning of life	Буду, быть, счастье, живу, любовь / I will be, be, happiness, live, love	Самоценность («я для себя» в оппозицию «я для других») / Self-worth («I for myself» in opposition to «I for others»)
Удовлетворение потребностей / Satisfaction of needs	Мама, любить, родители, семья, рядом / Mother, love, parents, family, to be close	Чувство сопричастности / A sense of belonging
Состояние / Mental states	Радость, хорошо жить, (хорошая, счастливая) жизнь / Joy, living well, (good, happy) life	Оптимизм / Optimism

нии репрезентативного поля потребностей). В ходе анализа представлений детей о счастье в контексте культурной идентичности обнаружен интересный факт актуализации у детей-татар в речи характеристик пола, в отличие от русских, ни разу не указавших половой маркер ($\chi^2 = 10,1$ при $p < 0,01$).

На основании качественного контент-анализа определено, что у девочек чаще счастье ассоциируется с семьей, а у мальчиков — с мамой. У девочек выражений, содержащих слово «папа», существенно больше, чем у мальчиков. Возможно, это свидетельствует о том, что мальчики более привязаны к материам, а девочки, соответственно, к отцам. Каких-либо других существенных различий в понимании счастья у детей разных полов мы не обнаружили. Далее нами были рассмотрены представления о счастье в зависимости от состава семьи, порядка рождения в семье. Опрошенные дети были разделены по группам: дети из полной/неполной семьи, дети, рожденные первыми/последующими, дети, являющиеся единственными в семье и имеющие братьев/сестер. У детей из неполных семей в ответах на вопрос «Что такое счастье?» часто встречается наречие «вместе». Например, у респондента из неполной семьи ответ звучит следующим образом: «Счастье — это быть вместе, рядом, радоваться» или у другого респондента: «Когда все родные вместе, нет ссор и разочарований», то есть у детей, которые не живут вместе с обоими родителями, присутствует ценность нахождения «вместе», «рядом», они чувствуют и находят в этом счастье, олицетворяют совместное нахождение рядом с ощущением счастья — чувство единения и сопричастности становится базовой актуализированной потребностью. В случае с детьми из неполных семей в ответах не фигурирует слово «семья», дети разделяют ее на «мама» и «папа», в отличие от тех, у кого семья полная, мы видим, как у них часто встречается слово «семья». Рассмотрение представлений детей о счастье в зависимости от порядка рождения показало, что у детей, рожденных первыми, в несколько раз чаще встречается слово «семья» при ответе

на вопрос: «Что такое счастье?», чем у тех, кто был рожден 2-м, 3-м. Вероятно, это связано с некоторой долей ответственности, которую старшим детям делегируют родители. Также мы можем заметить появление таких слов, как «заботиться», «помогать», «играть», у тех, чьи семьи имеют более 1 ребенка. Это выражается в следующих высказываниях: «Счастье — это кого-то спасти из беды», «Счастье — это помогать человеку». Ребенок, находясь во взаимодействии с братом и/или сестрой ежедневно, учится навыкам заботы, помощи внутри семьи. В интервью на вопрос «Ты счастлив?» 14% ответили либо «нет», либо в их ответе присутствовало сомнение. Обнаружено, что дети данной категории отвечали с ориентиром не на себя, а с точки зрения того, что они могут сделать для других: «Смысль жизни — я не знаю. Меня мама с папой родили, наверное, поэтому я живу»; «Смысль жизни — это чтобы всех радовать»; «Смысль жизни — просто мама родила, и нужно жить»; «Чтобы маме помогать и папе». Также усматривается некоторая предопределенность в суждениях: «...меня родили, и я живу» и давление обстоятельств: «хорошо, когда не надо ходить на кружки», «хорошо, когда не надо никуда ездить», «хорошо, когда нет школы». Альтернативная группа детей преимущественно актуализирует слова с положительной окраской: красивый, умный, добрый, сильный. У детей недостаточно счастливых слов, ответы преимущественно эмоционально неокрашенные: нормальный, простой, обычный, я так себе (рис. 2). Таким образом, ориентируясь на модель репрезентативных полей счастья, можно заключить, что у детей, отнесенных к группе «недостаточно счастливых», в наибольшей степени наблюдается дефицит в поле самодетерминации, то есть в опоре на свое внутреннее содержание и способности в нем ориентироваться. Данные дети испытывают недостаток в положительно окрашенном отношении к себе и самоценности (у них доминирует позиция — «я существую для других»). Для детей из неполных семей (или родители в состоянии развода) чувство единения и сопричастности становится актуализированной,

акцентированной потребностью и, вероятно, ключевой составляющей счастья (рис. 2).

Для анализа эмоциональной оценки выделенных категорий применялся коэффициент Яниса. На основе коэффициентов Яниса разработана семантическая организованность репрезентативных полей счастья разных категорий детей, которая изображена с помощью нормированной гистограммы вклада (рис. 3). Несмотря на то, что дошкольники вербализуют «радость» при ответе на вопрос о счастье почти в два раза чаще школьников, достоверных различий в оценках установлено не было. Важно отметить, что недостаточно счастливые дети сфокусированы на конструктивных позициях только по отношению к репрезентативному полю «Удовлетворение потребностей», что

позволяет говорить об акцентности темы потребностей для данной категории.

На основе сходства семантической организованности репрезентативных полей счастья были выделены 2 типа семантической организованности: сбалансированный тип и потребностно-ориентированный тип. Отметим, что сектор индивидуального доминирует у детей из полных семей, где социальное пространство не является актуализированным, вероятно, в силу эксполяризации доминант семьи и, возможно, детоцентрированной ориентации родителей. С возрастом отмечено возрастание поля осмыслинности и повышение самокритичности, в полных семьях наблюдается акцентированность на Я-концепции при невысокой наполненности поля смысла (вероятно, смыслообразование замещается интериоризацией семейных

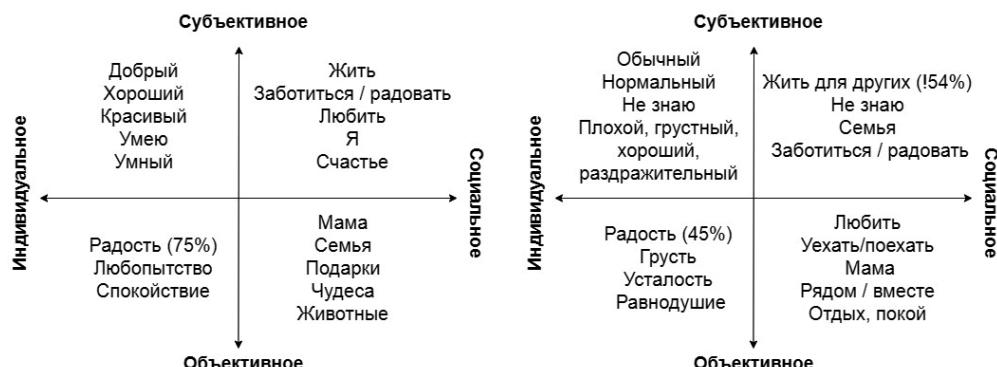

Рис. 2. Семантические единицы анализа счастья, проранжированные в каждой категории по результатам частоты упоминания, у счастливых (слева) и недостаточно счастливых (справа) детей

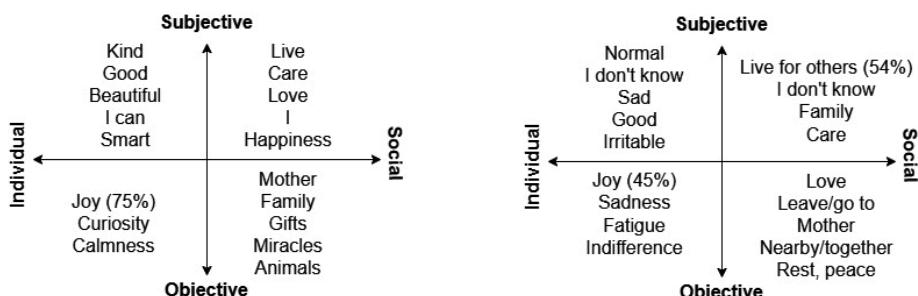

Fig. 2. Semantic units of happiness analysis, ranked in each category according to the results of frequency of mention, for happy (left) and not very happy (right) children

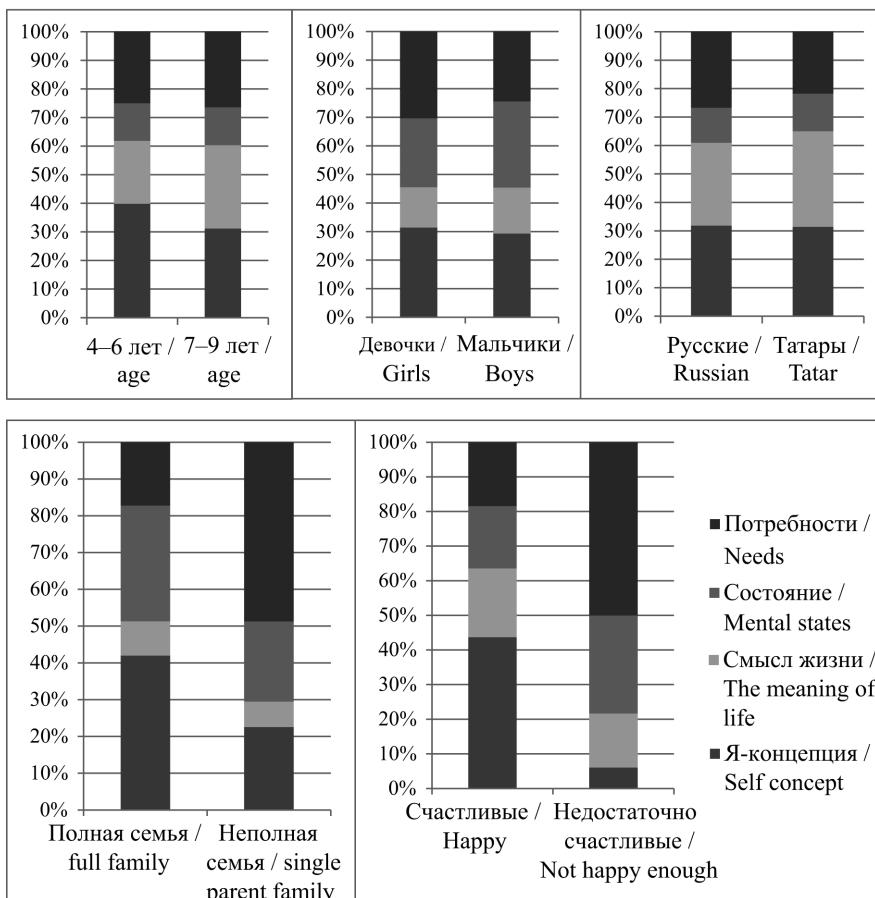

Рис. 3. Семантическая организованность репрезентативных полей счастья разных категорий детей
 Fig. 3. Semantic organization of representative fields of happiness of different categories of children

интровертов). Мальчики несколько более ориентированы на состояния, девочки — на потребности. Наиболее уязвимой «зоной» счастья у недостаточно счастливых детей, согласно соотнесению положительных и отрицательных оценок, является Я-концепция ($\chi^2 = 65,349$ при $p < 0,001$), далее — смысл жизни ($\chi^2 = 33,861$ при $p < 0,001$), то есть область самодетерминации, область «бытийного» счастья в терминах Д.А. Леонтьева. У детей из неполных семей Я-концепция также гораздо менее конструктивна по сравнению с другими категориями

детей ($\chi^2 = 25,376$ при $p < 0,001$). При дефиците смыслов и личностных ресурсов (прежде всего проявляется в индифферентном или негативном самоотношении) имеется диспропорция секторов субъективное/объективное. Исходя из представленной организации семантического поля данных детей, имеются риски, связанные с «материализацией» счастья через состояния и потребности, что, возможно, ведет к ориентации на сиюминутные состояния и ощущения и стагнации в объектной позиции. Данная же особенность характерна для детей из непол-

ных семей, у которых наибольший вес имеет категория «Удовлетворение потребностей». Однако, несмотря на то, что в группе детей из неполных семей коэффициент Яниса значительно ниже, чем в группах детей из полных семей, все категории отмечены положительным значением коэффициента, в отличие от группы недостаточно счастливых детей. Таким образом, мы можем говорить, что для детей, испытывающих негативное влияние окружающей среды, наибольший вес среди репрезентативных полей счастья имеет категория «Удовлетворение потребностей». Наименьшим удельным весом для недостаточно счастливых детей обладает категория «Я-концепция», что и отражается в наиболее частых ответах детей, свидетельствующих о слабой дифференцированности данного поля и низком интересе к нему. Отметим, что для счастливых детей характерна противоположная организация репрезентативных полей счастья — именно данное поле является доминантным и наполненным. Вторым по индифферентности и амбивалентности оценок для недостаточно счастливых детей является «Смысъл жизни». Здесь также доминирование оценок, связанных с отсутствием целеполагания и временной перспективы. Значимость различий подтверждена с помощью сравнительного анализа категорий счастья с применением критерия χ^2 . Согласно анализу, имеются достоверные различия по положительной/отрицательной самооценке ($\chi^2 = 65,349$ при $p < 0,001$), смыслополаганию ($\chi^2 = 33,861$ при $p < 0,001$), модальности состояний ($\chi^2 = 26,286$ при $p < 0,001$). Обращаясь к модели репрезентативных полей, можно видеть, что проблемной областью представлений о счастье для недостаточно счастливых детей является область субъективного, то есть самодетерминированного счастья. Здесь также, на наш взгляд, правомерна постановка вопроса о субъектности и роли, которую она несет в формировании конструктивных представлений о счастье.

Обсуждение результатов

Частная теория содержания целей в составе теории Самодетерминации (Seligman,

2011) выделяет внутренний и внешний типы жизненных стремлений, которые сопоставимы с дилеммой «Субъективное — Объективное» в рамках нашего исследования. Данная теория раскрывает оппозицию внешних и внутренних целей, отмечая, что психологическое благополучие, достигаемое вследствие автономии, компетентности и связности, фрустрируется при ориентации на внешние цели — богатство, известность, привлекательную внешность (Olcar, Rijavec, Ljubin Golub, 2019). В нашем исследовании один из ключевых выводов заключается в идее компенсации внутреннего сектора репрезентативного поля счастья — внешним. Однако характер данной компенсации неконструктивный, происходит мнимая компенсация. Созвучный аспект отмечает Bradshaw, который постулирует, что именно достижение внутренних целей связано с показателями благополучия (Bradshaw et al., 2022). Отметим в рамках темы роль баланса в диаде «индивидуализация — интеграция» как способность соотносить «значимые ценности» и «результат», находить гармонию в «жизни для себя» и «для других» (Деева, 2022), осуществлять синтез между запросами социального окружения и самоусещвлением (Брук, Игнатжева, 2021), что особенно ценно в отношении счастья детей. В целом выделенный нами теоретический конструкт репрезентативных полей представлений детей о счастье вписывается в теорию самодетерминации и соотносится с частными теоретическими построениями, например, с теоретической моделью субъективных предпосылок психологического благополучия одаренных подростков (Волкова, Микляева, Хороших, 2022). Авторские типы семантической организованности представлений детей о счастье сопоставимы с типами психологического благополучия — сбалансированным, эго-центрированным и «фортуным», выделенными на подростковой выборке С.В. Молчановым и его коллегами (Молчанов, Алмазова, Поскребышева, 2019).

Полученные нами данные соотносятся и с эмпирическими результатами ряда на-

учных работ. Определено, что ключевыми факторами, составляющими ядро социального представления о счастье, являются значимые другие — семья, друзья (Брук, Игнатжева, 2021), при этом первостепенную значимость играет характер детско-родительских отношений, что также отражено в нашем исследовании. При этом ценность представляет именно такая характеристика, как целостность, достигаемая при переносе акцента с «внутреннего Я» на социальное взаимодействие. В нашем исследовании значимость единения проявлена на уровне актуальной потребности у детей из неполных семей. Также исследование А.В. Яковлевой и А.П. Макаровой показало, что у подростков из неполных семей уровень ощущения счастья ниже, чем у детей из полных семей. Ученые видят причину в недостаточной эмоциональной поддержке со стороны родителей в ситуации неполной семьи (Яковлева, Макарова, 2015). Согласно нашим данным, дети из неполных семей намного реже употребляют при определении счастья слово «семья» и в меньшей степени связывают данное слово с радостью. Также позиция недостаточной внутренней детерминации детей, отнесенных к категории «недостаточно счастливых», перекликается с данными исследования, проведенного Ж.Ю. Брук и ее коллегами (Брук, Игнатжева, 2021). Согласно Ж.Ю. Брук, ребенку важно найти «равновесие» между реальным, внешним и внутренним миром. В случае низкой адаптации значимость приобретают ценности самоутверждения и самовозышения. В этом ключе несколько выходящими за очерченный контекст воспринимаются результаты Е.П. Белинской и З.Д. Шаехова о слабой связанныности психологической адаптации с благополучием, общей жизнестойкостью и диспозиционным оптимизмом (Белинская, Шаехов, 2023).

Заключение

Полученные на базе глубинного интервью результаты позволили определить содержание представления о счастье детей и

установить ключевые социально-психологические и индивидуально-психологические его детерминанты. Соотнесение двухуровневой модели счастья Д.А. Леонтьева и дихотомического представления о счастье Т. Парсонса позволило разработать модель репрезентативных полей счастья, включающую 4 параметра: Я-концепция, смысл жизни, удовлетворение потребностей и ассоциированные состояния. Она послужила основой для интерпретации эмпирических данных и формулирования выводов:

1. Для детей дошкольного и младшего школьного возраста эмоциональной детерминантой репрезентативных полей являются ощущение самоценности («Я для себя», а не «Я для других»), положительное самовосприятие, чувство сопричастности и оптимистичность.

2. У детей в благоприятной ситуации развития семантическая организованность полей счастья представляет баланс секторов, образовывающих репрезентативные поля счастья: субъективного и объективного, индивидуального и социального. С возрастом увеличивается доля осмыслинности, которая сопровождается ростом критичности и рефлексивности, что свидетельствует о возрастном переходе из дошкольного в младший школьный возраст и сопряжено с психологической характеристикой младшего школьного возраста.

3. У детей дошкольного и младшего школьного возраста из неполных семей и низко оценивающих уровень своего счастья имеется ярко выраженный дисбаланс репрезентативных полей счастья с фокусировкой на потребности в привязанности и материальные потребности. Чем меньше положительных характеристик в отношении себя ребенок высказывает, тем в большей степени представление о счастье у ребенка зависит от удовлетворения потребностей.

Поскольку представление о счастье является стержневым компонентом выстраиваемой в детстве базовой структуры социального мира, анализ представлений детей о счастье на основе модели репрезентативных

полей позволяет обнаружить дефицитарность или акцентность определенных репрезентант и стоящих за ними знаков и эмоций. Полученная информация может стать ядром совершенствования психолого-педагогических практик в обеспечении «счастливого детства» современных детей и превенции их социально-психологической дезадаптации.

Ограничения и перспективы исследования связаны с возможностями лонгитюдного исследования для анализа трансформации базовых представлений о счастье и рассмотрения дисбаланса репрезентативных полей счастья в контексте рисков гедонизма, зависимого поведения и вступления в деструктивные сообщества. Следует указать неравномерную по количеству представленность исследуемых групп детей и ограниченность их возрастного диапазона, что обуславливает важность продолжения исследования с применением разработанной модели счастья для других возрастных категорий. Несмотря на то, что

для качественных методов анализа не является обязательным условием обеспечение репрезентативности выборки, необходимо отметить, что в фокусе исследования оказались дети, родители которых согласились на проведение интервью.

The limitations and prospects of the research are related to the possibilities of longitudinal studies for analyzing the transformation of fundamental concepts of happiness and examining the imbalance of representative fields of happiness in the context of the risks of hedonism, dependent behavior, and involvement in destructive communities. It should be noted that the studied groups of children are uneven in terms of sample size, and their age range is limited, which underscores the importance of continuing the research using the developed happiness model for other age categories. Although ensuring sample representativeness is not a mandatory condition for qualitative analysis methods, it is important to mention that the focus of the study was on children whose parents agreed to participate in interviews.

Список источников / References

1. Аргайл, М. (2003). *Психология счастья*. 2-е изд. СПб.: Питер, 270 с.
Argayl, M. (2003). *Psychology of happiness*. St. Petersburg: Piter, 270 p. (In Russ.).
2. Баянова, Л.Ф., Мустафин, Т.Р. (2013). Культурная конгруэнтность дошкольника в нормативной ситуации и возможности ее исследования. *Современное дошкольное образование*, 36(4), 70–75.
Bayanova, L.F., Mustafin, T.R. (2013). Cultural congruence of a preschooler in a normative situation and the possibilities of its study. *Modern preschool education*, 36(4), 70–75. (In Russ.).
3. Белинская, Е.П., Шаехов, З.Д. (2023). Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(3), 239–260. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>
Belinskaya, Ye.P., Shayekhov, Z.D. (2023). The relationship between psychological well-being and adaptation to the risks of the digital world in youth. *Bulletin of Moscow University. Psychology*, 46(3), 239–260. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>
4. Брук, Ж.Ю., Игнатжева, С.В. (2021). Субъективное благополучие детей 10-и и 12-и лет в пространстве удовлетворенности семьей, школой и друзьями. *Психологическая наука и образование*, 26(6), 164–175. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260613>
Bruk, Zh.YU., Ignatzheva, S.V. (2021). Subjective well-being of children 10 and 12 years old in the space of satisfaction with family, school and friends. *Psychological Science and Education*, 26(6), 164–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2021260613>
5. Волкова, Е.Н., Микляева, А.В., Хороших, В.В. (2022). Субъективные предпосылки психологического благополучия одаренных подростков. *Психологическая наука и образование*, 27(1), 92–103. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270108>
Volkova, Ye.N., Miklyayeva, A.V., Khoroshikh, V.V. (2022). Subjective prerequisites for the psychological well-being of gifted adolescents. *Psychological Science and Education*, 27(1), 92–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2022270108>
6. Деева, Н.А. (2022). Субъективные представления личности о жизненной

- успешности в современной ситуации. *Национальный психологический журнал*, 2, 14–24. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0202>
- Deyeva, N.A. (2022). Subjective ideas of the individual about success in life in the modern situation. *National psychological journal*, 2, 14–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0202>
7. Джидарьян, И.А. (2013). Психология счастья и оптимизма. М.: Институт психологии РАН. Jidarian, I.A. (2013). Psychology of happiness and optimism. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
8. Журавлев, А.Л., Юрьевич, А.В. (2014). Счастье как научная категория. *Вестник Российской академии наук*, 84(8), 715. <https://doi.org/10.7868/S0869587314080179>
- Zhuravlev, A.L., Yurevich, A.V. (2014). Happiness as a scientific category. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 84(8), 715. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0869587314080179>
9. Казанцева, Е.В., Липовая, О.А. (2019). К вопросу о характеристики нарративной структуры социальных представлений. *Психология и психотехника*, 1, 33–43. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2019.1.29275>
- Kazantseva, Ye.V., Lipovaya, O.A. On the question of characterizing the narrative structure of social representations. *Psychology and psychotechnics*, 1, 33–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2019.1.29275>
10. Леонтьев, Д.А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1 (155), 14–37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Leontyev, D.A. (2020). Happiness and subjective well-being: towards the construction of a conceptual field. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 1, 14–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
11. Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Поскrebysheva, Н.Н. (2019). Моральные суждения подростков с разным уровнем психологического благополучия. *Психологическая наука и образование*, 24(4), 22–35. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240402>
- Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebysheva, N.N. (2019). Moral judgments of adolescents with different levels of psychological well-being. *Psychological Science and Education*, 24(4), 22–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2019240402>
12. Титаренко, Е.В., Клепач, Ю.В. (2016). Особенности представлений о счастье у дошкольников. *IN SITU*, 6, 70–72.
- Titarenko, Ye.V., Klepach, YU.V. (2016). Peculiarities of ideas about happiness among preschool children. *IN SITU*, 6, 70–72. (In Russ.).
13. Яковлева, А.В., Макарова, А.П. (2015). Представление о счастье у детей из полных и неполных семей. *Междунородный студенческий научный вестник*, 5–2, 205–206.
- Yakovleva, A.V., Makarova, A.P. (2015). The idea of happiness in children from single-parent and single-parent families. *International Student Scientific Bulletin*, 5-2, 205–206. (In Russ.).
14. Abdel-Khalek, A.M. (2006). Measuring happiness with a single-item scale. *Soc. Behav*, 34, 139–150. <https://doi.org/10.2224/sbp.2006.34.2.139>
15. Abric, J.-C. (2001). A structural approach to social representations. *Representations of the social: Bridging theoretical traditions* (pp. 42–47). Ed. by K. Deaux, G. Philogene. Oxford: Blackwell Publishers.
16. Bradshaw, E.L., et al. (2022). A meta-analysis of the dark side of the American dream: Evidence for the universal wellness costs of prioritizing extrinsic over intrinsic goals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 124(4), 873–889. <https://doi.org/10.1037/pspp0000431>
17. Diener, E. (2000). Subjective well-being: the science of happiness and a proposal for a national index. *Am. Psychol.*, 55, 34–43. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.34>
18. Linley, P.A., Maltby, J., Wood, A.M., Osborne, G., Hurling, R. (2009). Measuring happiness: the higher order factor structure of subjective and psychological well-being measures. *Pers. Individ. Differ.*, 47, 878–884. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.07.010>
19. Moscovici, S. (2000). The phenomenon of social representations. *Social representations: Explorations in social psychology* (pp. 18–77). Ed. by G. Duveen. New York: New York University Press.
20. Norris, P., Inglehart, R. (2011). *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511894862>
21. Olcar, D., Rijavec, M., Ljubin Golub, T. (2019). Primary school teachers' life satisfaction: The role of life goals, basic psychological needs and flow at work. *Current Psychology*, 38, 320–329. <https://doi.org/10.1007/s12144-017-9611-y>
22. Ryan, R.M., Deci, E.L. (2017). Self determination theory. Basic psychological needs in motivation development and wellness. *Revue Québécoise de Psychologie*, 38(3), 231–234. <https://doi.org/10.7202/1041847ar>
23. Seligman, M.E.P. (2011). *A new understanding of happiness and well-being and how to achieve them*. Boston: Nicholas Brealey.

Информация об авторах

Эльвира Нурахматовна Гилемханова, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ФГАОУ ВО КФУ); старший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7003-4447>, e-mail: enkazan@mail.ru

Юлия Юрьевна Панфилова, магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ФГАОУ ВО КФУ), Казань, Российская Федерация, e-mail: 245479@mail.ru

Information about the authors

Elvira N. Gilemkhanova, PhD in Psychology, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Senior Research Associate, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Kazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7003-4447>, e-mail: enkazan@mail.ru

Yulia Yu. Panfilova, Master's Degree student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, e-mail: 245479@mail.ru

Вклад авторов

Гилемханова Э.Н. — идеи исследования; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; аннотирование, написание и оформление рукописи; контроль за проведением исследования.

Панфилова Ю.Ю. — проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the Authors

Elvira N. Gilemkhanova — ideas; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; annotation, writing and design of the manuscript; control over the research.

Yulia Yu. Panfilova — conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Локальным этическим комитетом ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Протокол № 54 от 21.04.2025 г.).

Ethics Statement

The study was reviewed and approved by the Local Ethics Committee of Kazan (Volga Region) Federal University (report no 54, 2025/04/21).

Поступила в редакцию 05.01.2025

Received 2025.01.05

Поступила после рецензирования 03.03.2025

Revised 2025.03.03

Принята к публикации 23.05.2025

Accepted 2025.05.23

Опубликована 31.08.2025

Published 2025.08.31